

АЛЕКСАНДР ГОЛОВИН

Встречи и впечатления

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)
6
Г61

Головин, А.

Г61 Встречи и впечатления / Александр Головин. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. —
187 с. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-517-12104-2

«Встречи и впечатления» — книга воспоминаний Александра Головина (1863–1930), известного русского живописца и театрального декоратора, в течение многих лет создававшего сценические образы для императорских театров. Автор мемуаров повествует о своей жизни, творческих начинаниях и успехах, делится впечатлениями от работы в театре и сотрудничества с ведущими мастерами сцены и живописи. Особое место в книге занимают описания встреч с выдающимися деятелями культуры того времени, в числе которых С. П. Дягилев, В. А. Серов, В. И. Суриков, К. А. Коровин, А. Н. Бенуа, Л. Бакст, З. Н. Гиппиус и другие. Искренний тон, тонкие наблюдения автора, касающиеся художественной жизни страны и ее участников, делают его воспоминания не только личным откровением, но и ценным историческим источником для понимания русской культурной среды конца XIX — начала XX века.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-12104-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1880-х годах. — И. М. Прянишников, В. Е. Маковский. — В. Д. Поленов и его влияние на художественную молодежь. — Товарищи по школе — Коровин, Левитан, Нестеров, Архипов. — Искусство Врубеля.

Восьмидесятые годы — время моего пребывания в Московском училище живописи — были годами расцвета «передвижничества». Имена Крамского, Ге, Верещагина, Репина пользовались огромной популярностью среди людей, причастных к искусству. «Передвижнические» настроения господствовали не только в творчестве художников, но, как следствие, и в способах преподавания искусства.

В Московское училище живописи я поступил в 1882 г. на архитектурное отделение, где занимался три года под руководством профессоров Попова, Зыкова, Каминского и других. Мои занятия архитектурой шли успешно, но любовь к живописи была во мне сильнее, чем интерес к зодчеству, и я решил перейти на живописное отделение.

Одним из наиболее влиятельных профессор-живописцев был в ту пору И. М. Прянишников, принадлежавший к группе «передвижников». Еще до учреждения Товарищества передвижных выставок он писал обличительные жанровые картины, имевшие большой успех у публики. Это был как бы

Островский в живописи. Его очень ценил В. В. Стасов, видевший в его картинах воплощение ужасов будничной прозы, более потрясающих, по мнению критика, чем самые кошмарные сцены войны.

Прянишников был человек прямой, резковатый, вспыльчивый. Ему нравились те живописные работы, которые были близки к натуре. Искания стиля он не одобрял. Преподавал он у нас в фигурном классе, где я вначале не бывал, что не укрылось от внимания профессора. Заметив мое отсутствие на утренних этюдных уроках, он обратился ко мне с настоятельным советом начать заниматься натурой.

Когда в 1889 г. я исполнил на соискание серебряной медали картину «Снятие с креста», Прянишников остался ею очень недоволен, так как она была сделана не в той манере, какая им культивировалась, а совершенно самостоятельно. Это показалось Прянишникову недопустимым своеволием, он отозвался о картине неодобрительно, волновался при этом и кричал до хрипоты. «Снятие с креста» не удостоилось медали, однако нашлись люди, которым работа моя понравилась, и она была приобретена для церкви в имении Вогау.

Другим моим учителем живописи был В. Е. Маковский, также видный деятель «передвижничества». Он был, несомненно, опытным мастером, но творчество его, как и творчество Прянишникова, меня не увлекало и не оказало на меня влияния. Вообще, «передвижничество» не захватывало меня

своими темами, хотя я и чувствовал значительность отдельных мастеров, входивших в этот круг.

Живопись преподавали в училище братья Евграф и Павел Сорокины, о которых у меня сохранились довольно смутные воспоминания. Помню только, что они участвовали в росписи храма Христа Спасителя.

Зато яркой фигурой представляется мне В. Д. Поленов. Его картины восхищали всех нас своей красочностью, обилием в них солнца и воздуха. После пасмурной живописи «передвижников» это было настоящее откровение.

Путешествие Поленова на Восток — в Сирию, Палестину, Египет — дало ему богатейший материал для исторических картин. «Генисаретское озеро», «Христос и дочь Иаира» и особенно «Христос и грешница» вызывали в то время почти такой же восторг, как произведения знаменитого Фортунни. В них было столько света и ярких красок, что по сравнению с ними живопись «передвижников» казалась чем-то вроде фотографии.

Влияние Поленова на художественную молодежь 80-х и 90-х годов было весьма заметно. Около него и его сестры, художницы Е. Д. Поленовой, группировались начинающие художники. К их отзывам прислушивались, их похвалой дорожили.

Живопись Поленова явилась чем-то совершенно новым на общем сероватом, тусклом фоне тогдашней живописи. Его этюды — палестинские и египетские — радовали глаз своей сочностью, свежестью,

солнечностью. Его палитра сверкала, и уже одного этого было достаточно для того, чтобы зажечь художественную молодежь. Кроме того, нужно сказать, что Поленов располагал к себе и как человек — внимательный и сердечный. Художники той эпохи не блистали культурностью, а Поленов был человек всесторонне образованный, — это опять же выделяло его. Кроме живописи Поленов страшно увлекался музыкой и сочинял оперы, к которым сам писал декорации. Он был также едва ли не первым «постановщиком» (в домашних, правда, условиях), придумавшим «сукна» как полную или частичную замену декораций.

В. Д. Поленов был учеником П. П. Чистякова, выдающегося педагога, у которого учились Серов, Врубель и многие другие большие мастера. Лично я, хотя и не имел чести быть его учеником, всегда относился с глубоким уважением к этому воспитателю нескольких поколений русских художников. Под конец своей жизни Чистяков почти безвыездно жил в Детском Селе — в городе, где обосновался и я с 1913 г. Чтя заветы Чистякова, Поленов не был, однако, консерватором в искусстве. Он охотно шел навстречу всякому новому искреннему исканию и без всякого предубеждения относился к французскому импрессионизму, влияние которого сказывалось на некоторых его учениках.

Поленов, будучи преподавателем в Московском училище живописи, однажды заинтересовался натюрмортом, над которым я работал. Это был ло-

шадиный череп на фоне красного шелка. Поленов сам взялся писать его и написал превосходно. Посмотрев на мою работу, он похвалил ее и советовал «продолжать в том же роде».

Впоследствии Василий Дмитриевич рассказывал о нашем первом знакомстве так: «Подходит ко мне какой-то франтик и просит посмотреть его этюд. Я посмотрел и сказал „хорошо“. Франтик обрадовался и просиял».

Из товарищей по училищу мне особенно памятен К. А. Коровин. Первая большая его работа, увиденная мною — «Лесная заросль», — показала мне, как внимательно относился Коровин к колориту. В те же годы он особенно любил писать задворки деревень; ему нравилось старое посеревшее дерево, и он изучал все его оттенки — серебристые, коричневатые. В то время Коровин дружил с Левитаном и долгое время находился под его влиянием. Друг московских художников Мамонтов заметил талант Коровина и привлек его к себе. Поленовы, Серов, Коровин, Врубель составляли тесную семью, связанную общей любовью к искусству. «Антон» и «Артур» (так прозвал Мамонтов Серова и Коровина) составляли одно время неразлучную пару. О их житье-бытье можно было бы рассказать много забавного. Коровин был человеком эксцентричным, типичным представителем богемы. В практической жизни он был беспечен и способен к самым курьезным поступкам. Однажды, например, придя к Поленовым в день Нового года во фраке, он неожиданно

остался у них жить целую неделю, не снимая фрака. Из его привязанностей упомяну неистовую страсть к рыболовству: он так любил рыбную ловлю, что ради нее готов был бросить все на свете.

К концу 80-х годов относятся лучшие декорационные работы Коровина, исполненные по заказу Мамонтова для его домашнего театра. Нельзя не пожалеть, что Коровин редко сам писал декорации, а обычно поручал их своим помощникам, которые и писали по его эскизам, иногда значительно искажая их.

В тех случаях, когда Константин Александрович брался за дело сам, он создавал произведения, чудесные по колориту. Превосходны были декорации к «Фаусту», «Лакме» и «Аиде», написанные им самим. Была в жизни Константина Александровича полоса увлечения Демоном, в связи с таким же увлечением Врубеля, который работал вместе с Коровиным в его мастерской на Малой Дмитровке. Условия работы были порою довольно тяжелые: в мастерской было так холодно, что замерзала вода и даже, по уверению Коровина, одеяло примерзало к телу. Жила в этой мастерской мышь, которую Константин Александрович регулярно кормил и без которой скучал.

Здесь, на Малой Дмитровке, Врубель создал своего гениального «Демона». Коровин также занялся Демоном, написав эскиз, по которому был исполнен великолепный костюм для сестры К. С. Станиславского. В этом костюме она появилась в одном из московских маскарадов, где костюм имел исключительный